

В.Н. Сыров

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА И СЕТЕВОЕ СООБЩЕСТВО: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиарепрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации».

Обсуждаются возможности использования концепта «культурная травма» и его связи с идеей сетевого общества. Анализируется противоречие между травмой и медиатизацией травматических объектов. Утверждается, что медиатизация может являться составной частью травматизации, а грань между травматизацией и проработкой травмы посредством медиа трудноразличима. Обосновывается эвристичность использования акторно-сетевой теории, так как она позволяет учитывать присущие травматическим объектам аспекты гетерогенности, событийности и динамичности.

Ключевые слова: культурная травма; проработка травмы; сетевое общество; акторно-сетевая теория.

Как отмечают британские авторы Майкл Пикеринг и Эмили Кейтли, использование термина «травма» для характеристики событий и процессов, затрагивающих не отдельных индивидов, а сообщества, по сути, является метафорой [1. Р. 239]. Само по себе такое расширение сферы применения – отнюдь не препятствие. Ведь назначение метафоры в том и заключается, чтобы указать путь продуктивного анализа той или иной темы. Но авторы указывают на подводные камни, которые могут возникать при таком переносе. Они ставят правомерный вопрос о возможных потерях при переходе от «индивидуальной психологии к коллективному опыту». Этот аспект отмечают и отечественные исследователи, когда указывают, что «в процессе работы на стыке дисциплин понятие травмы нередко становится расплывчатым, употребляется как удобное, обтекаемое и пластичное, вмещающее все возможные смыслы, связанные с болью, аффектом или иррациональным поведением» [2. С. 20].

Во-вторых, Пикеринг и Кейтли указывают на противоречие, которое возникает в ходе переноса индивидуального в сферу коллективного. Если травма – это обозначение событий или переживаний, которые ретроспективно неконтролируемы и поэтому не поддаются фиксации в памяти или не артикулируются задним числом в нарративе, то понятие травматической памяти вступает в противоречие с идеей травмы. Ведь травматическая память предполагает возможность ее фиксации, артикуляции и контроля, в то время как травма есть обозначение невозможности или отсутствия такого контроля. Елена Рождественская также отмечает, что в отличие от психологической травмы, которая предполагает разрыв в воспоминаниях, или их замещение или саму невозможность использовать термин «травма» для обозначения воспоминаний, то «культурная травма сегодня – в фокусе переоткрытия, рассказывания и визуализации всеми возможными способами» [3. С. 89].

Ну и, наконец, в качестве вывода Пикеринг и Кейтли утверждают, что только там, где прошлое не поддается усвоению, концепция травмы является важным аналитическим инструментом. «Неуместно говорить об эффективных репрезентациях или харак-

теристиках прошлого как травмы, когда они успешно функционируют, чтобы сделать прошлое познаваемым и пригодным для использования. Однако совершенно уместно использовать критический формат травмы для характеристики молчания, потерь и неудач при представлении или изложении прошлого» [1. Р. 241].

Оценка значимости этих возражений и вытекающее отсюда определение эвристического потенциала концепции «культурной травмы» предполагают, прежде всего, прояснение смысла самой идеи культурной травмы. Как правило, здесь принято ссылаться на работы Джеффри Александера, Рона Аермана и Петера Штомпки. Александер связывает культурную травму с ситуацией, «когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [4. С. 6]. Тем самым «статус травмы придается реальным или воображаемым явлениям не благодаря их фактической вредности или объективной резкости, но благодаря тому, что полагают, что эти явления резко и пагубно повлияли на коллективную идентичность» [Там же. С. 17]. Аерман также отмечает, что в отличие от физической или психологической травмы, которая доставляет сильные эмоциональные мучения индивиду, культурная травма относится к потере идентичности или смысла. При этом не обязательно, чтобы она ощущалась всеми членами сообщества или испытывалась кем-либо непосредственно [5. Р. 2]. Такая травма «должна быть понята, объяснена и превращена в коллективную посредством публичной рефлексии и дискурса. Здесь масс-медийные репрезентации играют решающую роль» [Ibid]. Штомпка также полагает, что «имеет смысл отнести термин и к социальной сфере с деструктивным воздействием на социальное тело» [6. С. 7].

Итак, если суммировать характеристики культурной травмы, то они, видимо, сводятся к следующим положениям: предполагают воздействие на группу, а не на индивида; наносят удар по культурным ценно-

стям, разделяемым группой; не предполагают непосредственное воздействие (речь идет об источнике травмы) на кого-либо. Хотя в принципе можно говорить о культурной травме и по отношению к индивиду, если нанесен удар по исповедуемым им культурным ценностям. Если речь идет о культурных ценностях, то травматический эффект может быть связан либо с повреждением тех или иных ценностей, либо с приданием культурной значимости какому-либо природному или социальному явлению (например, пожар в Соборе Парижской Богоматери травматизирует, поскольку наносит удар по символическому значению данного объекта). В обоих случаях речь идет, конечно, о символических объектах или символическом значении какого-либо объекта. Ну и понятно, что специфика культурной травмы либо исключает возможность использования языка непосредственного воздействия на кого-либо (так, уничтожение церкви само по себе еще не приводит к кризису веры и, наоборот, их наличие не избавляет от кризиса) либо, как отмечает Аерман, подразумевает работу массовой коммуникации (хотя бы в смысле простого распространения информации о событии).

Вышеописанное распространение метафоры травмы порождает ряд вопросов. Среди них хотелось бы выделить два взаимосвязанных аспекта. Это вопрос о симптомах коллективной травмы и вопрос о степени ее конструируемости или о преодолении натуралистической иллюзии. Александер проясняет эту мысль: «Прежде всего, я утверждаю, что события, взятые отдельно и как таковые, не создают коллективную травму. События не являются травмирующими по своей внутренней природе. Травма есть свойство, приписываемое событию при посредстве общества. Это свойство может приписываться событию в режиме реального времени, по ходу его осуществления; оно может приписываться событию до того, как оно произошло, в качестве его предзнаменования, или после того, как событие завершилось, в качестве реконструкции *post hoc*... Травмирующие события могут и вообще не происходить в действительности; тем не менее, такие воображаемые события могут быть столь же травмирующими, сколь и те, что на самом деле имели место» [4. С. 16].

Вопрос о симптомах, как представляется, обретает значение в свете проблематизации правомерности переноса теории травмы на интерпретацию состояний социального тела, если использовать слова Штомпки. Как известно, классической моделью симптомов, свидетельствующих о травматическом состоянии, является концепция посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), введенная в 1980 г. С этого времени она стала широко применяться в клинической практике и научных исследованиях [7. Р. 24]. Принято считать, что состояние пациента идентифицируется как ПТСР в случае следующей комбинации симптомов: симптомы повторного переживания травмы через навязчивые тревожные воспоминания, такие как повторяющиеся мысли о травме, кошмарах, воспоминаниях и гипертрофированные реакции при воздействии напominаний о травме, известные также как «повторные симптомы»; симптомы избегания, такие

как попытки вытеснить воспоминания о травме; другие симптомы, такие как раздражительность, бессонница, плохая концентрация и гиперчувствительность, которые иногда описываются как «симптомы повышенного возбуждения». Отмечается, что травматическое состояние и явление, его вызвавшее, воспринимаются как настоящее, а не как прошлое, что и предполагается симптомом вторжения. Как травматический симптом вторжения предполагает смещение в том смысле, что не является воспоминанием в обычном смысле слова. Поэтому «понятие травмы не используется как троп воспоминания, забывания и признания, но выступает в качестве режима повторения и пересмотра» [2. С. 89]. Соответственно, встает вопрос, насколько можно говорить о симптомах травмы применительно к культурному опыту, особенно если дело касается симптомов повышенного возбуждения.

Понятно, конечно, что речь не может идти о механическом перенесении списка симптомов с индивидуального уровня на коллективный. Но, с другой стороны, следует отметить весьма распространенную критику вышеописанной симптоматики среди самих психологов. В наиболее радикальной форме критический подход был выражен Аланом Янгом, утверждавшим, что ПТСР является чисто западным продуктом, созданным в конце XIX в., благодаря соответствующим медицинским и психологическим дискурсам и отразившим специфический европейский и американский опыт индустриализации, гендерных отношений и мировых войн [8]. Если этот тезис рассматривать как диагноз самой концепции ПТСР, то можно утверждать, во-первых, что правомерность как использования, так и расширения применения идеи травмы будет определяться прагматикой или эффективностью применения, а во-вторых, что применительно к идее культурной травмы утверждение о конструируемости травмы (в свете преодоления натуралистической иллюзии) в любом его аспекте будет выглядеть более чем правомерным.

Если это так, то создание травмы как в эпистемологическом смысле, так и в плане социальной практики будет начинаться, конечно, не с травматического события или инцидента, а с идентификации симптомов, а точнее, с маркировки тех или иных состояний индивида, группы или сообщества как посттравматических симптомов. Правомерно, хотя несколько парадоксально, высказался по этому поводу Славой Жижек: «Симптом как “возвращение вытесненного” и есть следствие, предшествующее своей причине (своей скрытой сущности, своему смыслу), а мы в процессе проработки симптома именно и “вызываем прошлое” – мы создаем символическую действительность прошлого, прочно забытых травматических событий» [9. С. 62]. В том что касается коллективного опыта, резонно предположить, что в качестве таких симптомов могут выступить явные или неявные страхи, общая нервозность, раздражительность или повышенная возбудимость, усиливающаяся при приближении к определенным темам, замещенные воспоминания или разрывы в воспоминаниях (нежелание помнить даже недавние события), навязчивые повторяющиеся действия (типа регулярных картофельных посадок горожанами).

Проблема в том, что, во-первых, причины их появления у различных групп могут весьма различаться, если не противоположными, хотя темпорально совпавшими. Так, одних в перестроечных процессах может потрясать их идеологическое значение, других – их разрушительное воздействие на привычный жизненный уклад, третьих – несбывшиеся ожидания от перестройки. Во-вторых, резонно полагать, что для характеристики культурной травмы утверждения по поводу ее процессуальности можно считать наиболее уместными. Здесь, как правило, проблематично, хотя и может иметь место, наличие или определение травматического события, локализованного в пространстве и времени.

Далее. Травматическое состояние может накапливаться и усиливаться от этапа к этапу того или иного процесса. Как отмечал исследователь Дэвид Беккер, работавший в Латиноамериканском институте психического здоровья и прав человека (Чили), «...пациенты (речь шла о семьях, ставших жертвами политических репрессий в Чили в 1977 г. – *Прим. авт.*) испытывают непрерывную и все накапливающуюся травму» [10. Р. 101]. Потому он полагал, что правомернее говорить о травме как процессе [Idid. Р. 106]. В-третьих, исследователи указывают, что ощущение тревожности и уязвимости, в частности, может являться не столько следствием травмы, сколько, наоборот, благоприятным условием для травматизации и развития соответствующих симптомов после травматического события, что, конечно, переворачивает традиционную схему временных и каузальных связей между событием и симптомами [11. Р. 81].

Аерман отмечает, что «культурные травмы – это не вещи, а процессы создания смыслов и атрибуций, длящаяся борьба, в которой разные индивиды и группы стремятся определить ситуацию, управлять ею и контролировать ее» [5. Р. 125]. Он указывает здесь еще на одну сторону правомерности применения идеи процесса для определения травмы. Это вопросы об опознании источника травматичности, о том, будет ли травма опознана или приписана, ну и, соответственно, кто займет лидирующую позицию в этой борьбе за определение источника. Тем самым это вопрос, который имеет или приобретает одновременно как эпистемологическое, так и идеологическое звучание и где различить тяготение в ту или иную сторону возможно зачастую только задним числом. Резонно, что травма может быть сконструирована в буквальном смысле слова, но в дальнейшем индивиды вполне могут поверить в подлинность определения их состояния как травматического. Например, они могут искренне верить, что то или иное событие или процесс разрушает их идентичность.

Эта специфика культурной травмы (а вернее, черты, которые наиболее проявляются в такой травме) позволяет очертить еще некоторые следствия. Во-первых, видимо, по отношению именно к культурной травме можно говорить еще об одном аспекте ее процессуальности. Речь идет о процессуальности в идентификации объекта. Если использование термина «травма» приобрело столь широкий контекст употребления, характеризующий столь же широкий

спектр явлений, причиняющих боль и страдание, то оправданием сложившегося положения дел и методологическим указанием может стать идея степени травматизации. Здесь уместна аналогия с соотношением понятий «литература» и «литературность», «нарратив» и «нарративность» и т.п. Второй член в этой паре говорит о присутствии в тех или иных объектах элементов литературы или нарратива и степени насыщенности ими изучаемого объекта. Тем самым тезис о степени перерастания состояния, причиняющего боль и страдание, в состояние травмы позволяет, как представляется, избежать категоричности в суждениях и оценках (считать нечто травмой или нет) и в то же время повысить чувствительность к поиску и определению тех черт, что могут быть идентифицированы как посттравматические симптомы.

Второй аспект связан с часто встречающимся выражением по поводу переноса идеи травмы с индивидуальных состояний на коллективные. Возражение сводится к фиксации противоречия между невыразимостью травматического состояния и глобализацией и медиатизацией травмы. Представляется, что данное возражение не учитывает один важный аспект, наиболее проявляющийся в культурной травме и вытекающий из предшествующих рассуждений. Речь идет о «проработке травмы» или способах ее преодоления. Исследовательское сообщество справедливо пишет о многообразии отношений к травматическому прошлому. Так, Алейда Ассман выделяет четыре модели обращения с травматическим прошлым [12. С. 193–216]. Эрик Сантнер фиксирует два полюса отношения к травме. Один вслед за Фрейдом он характеризует как работу скорби или как «процесс переработки и привыкания к реальности утраты или травматического шока путем их воспоминаний и повторов в символически и диалогически опосредованных дозах...» [13. С. 392]. Второй полюс он обозначает как «нарративный фетишизм» или «конструирование и использование нарратива, сознательная или бессознательная роль которого состоит в том, чтобы стереть следы той травмы или утраты, которая, собственно, и дала жизнь этому нарративу» [13. С. 392]. Метафора протеза становится вполне правомерной для характеристики подобного положения дел. Предполагается, что шаблоны, стереотипы, клише становятся не столько выражением скорби и траура, сколько некоторым их замещением, лишенным глубоко эмоциональной подпитки [14. С. 17]. Одной из функций такого нарративного фетишизма является задача «сформировать то самое “ощущение опасности”, которое даст возможность приблизиться к травме, не переживая ее» [Там же. С. 18].

В свете данных положений рискнем высказать следующие соображения. Во-первых, любой из путей проработки травмы будет предполагать в той или иной степени идентификацию (экспликацию) ее источника. Но если это так, то резонно полагать, что грань между симптомами проявления травмы и символическими способами ее проработки становится трудноразличимой. Во-вторых, в том, что касается травмы культурной, эта грань еще более трудноуловима, поскольку резонно полагать, что в силу значи-

мости данного типа травм временную грань между появлением симптомов и поиском способов проработки зачастую трудно отчетливо провести. Иначе говоря, определение источника можно считать составной частью способа проработки. В-третьих, в том, что касается травм сконструированных, сама процедура их конструирования будет предполагать намеренное внедрение симптомов в общественное сознание, что возможно только посредством масс-медиа и соответствующей нарративизации всего, что связано с травмой. В-четвертых, резонно предположить, что сконструированная травма может выступать заместителем травмы, так сказать, реальной, что превращает и позволяет интерпретировать всю совокупность процедур фиксации травмы и ее проработки (в том числе медиатизацию) как комплекс симптомов и примирить тем самым тезис о ее невыразимости с медиатизацией. Ну и, наконец, культурная травма носит дискурсивный характер и по способу осуществления (как идентичность может быть выражена только символически, так и удар по идентичности предполагает разрушение именно символической структуры), и по способу выражения и проявления (медийный дискурс). В итоге можно сделать и более радикальный вывод: культурная травма возможна не иначе как посредством медиатизации.

Этот тезис подталкивает к следующему комплексу взаимосвязанных аспектов. Если травма конструируется (в смысле определения ее источника, наполнения его степенью травматичности, придания ему статуса культурной травмы, последующего создания травмированного сообщества), то резонно поставить вопрос о механизмах создания. Правда, использование термина «механизм» не совсем адекватно выражает суть идеи конструирования. Для прояснения стоит опереться на тезисы Бруно Латура о том, что «нет действия – нет группы» [15. С. 52], и о вытекающем из него различии между посредниками и проводниками [Там же. С. 55–58]. «В моей терминологии “проводник” (intermediary) – это то, что переносит (transport) значение или силу, не преобразуя их...» [Там же. С. 58]. «Посредники преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения или их элементы» [Там же. С. 58]. Иначе говоря, если несколько условно взять за единицу отсчета некоторое действие (например, идентификацию симптомов, а этот шаг вытекает из тезиса о конструируемости), то каждый следующий шаг в направлении конструирования будет не простым переносом уже сложившегося значения или силы травмы, а способом их создания, а возможно, и преобразования. Ведь нет ничего самоочевидного в маркировке того или иного положения дел как травматического, в определении ее источника, в убеждении того или иного количества индивидов (в данном случае за актора можно принять не индивида, а совокупность индивидов) в том, что данное состояние является травматическим, да еще и следствием именно культурной травмы.

Если это так, то речь неизбежно пойдет о том вкладе, который вносят в создание культурной травмы медиа и сети. В свете вышесказанного резонно утверждать, что слово «создание» несет здесь весьма

определенную смысловую нагрузку: вне действия медиа и сетей травма не состоится. А поскольку в терминах того же Латура акторами могут быть как human, так и nonhuman, то роль медиа можно вписать в рамки более общей идеи сети.

Термин «сеть», как и термин «травма», стал весьма популярным, что не всегда идет на пользу первоначальным идеям по их поводу. Но если говорить о более-менее устойчивых сложившихся направлениях исследования, то можно выделить следующие. В работе Раисы Заякиной с опорой на кандидатскую диссертацию Д.В. Мальцевой «сетевой подход аналитически дифференцируется на: 1) анализ социальных сетей (к представителям SNA относятся С. Берковитц, С. Вассерман, М. Грановеттер, Ч. Кадушин, Дж. Куллински, М. Мизраши, Д. Ноук, М. Ньюман, Д. Уотс, Б. Уэллман, К. Фауст и др.), 2) реляционную социологию (яркие представители: М. Арчер, П. Донати, Н. Кросли, Й. Рааб, Х. Уайт, Я. Фузе, М. Эмирбайер и др.) и, наконец, 3) акторно-сетевую теорию (в ее русле работают М. Каллон, Б. Латур, Дж. Ло, Э. Мол, В. Синглтон и др.)» [16. С. 30]. «Представители SNA фиксируют сеть как соединение акторов (т.е. в самом примитивном виде – совокупность точек, соединенных линиями, и видят свою задачу в построении модели таких соединений для дальнейшего изучения ее структуры [16. С. 34–35]. «...Исследователей этого направления интересуют структурные свойства сетей, положения акторов, и, в конечном счете, сами потоки фиксируют только конкретное сетевое состояние “здесь и сейчас”» [16. С. 42].

Что касается сторонников реляционного подхода, то, как утверждает американский социолог Мустафа Эмирбаер в своем «Манифесте для реляционной социологии», «реляционистски настроенные теоретики отрицают представление о том, что возможно априорно полагать отдельные единицы, такие как индивид или общество как отправную точку социологического анализа» [17. Р. 287]. В более ранней статье он назвал такой подход реализацией антикатегориального императива, который отвергает все попытки объяснять поведение или социальные процессы посредством категоризаций типа индивидов или групп [18. Р. 1414]. Он продолжает, что с этой точки зрения сами понятия единиц анализа типа индивидов или групп извлекают свой смысл, значение, идентичность из тех меняющихся функциональных ролей, которые они исполняют в процессе взаимодействия [17. Р. 287]. Иначе говоря, отношение создает актора или агента. Ну и, наконец, наш автор подчеркивает, что реляционисты рассматривают отношения не как совокупность статичных связей между инертными субстанциями, а как разворачивающийся и динамичный по своей природе процесс [Ibid]. В данном контексте динамичность связывается с изменчивостью и даже ситуативностью складывающихся отношений.

Что касается акторно-сетевой теории, то ее основополагающую идею Бруно Латур сформулировал в следующем тезисе: «Эта теория не добавляет социальные сети к социальной теории, а стремится перестроить социальную теорию на основе сетей [19. С. 175]. Иначе говоря, эта теория претендует на объ-

яснение тех вещей, которые в иных теориях сами выполняют (зачастую априорно) функцию объяснения. Используя высказывание самого Латура, можно сказать, что это теория, которая занимается прослеживанием связей и поиском их создания. Говоря по-другому, она занимается выяснением того, как рождается социальное. С этой точки зрения акторно-сетевая теория направлена не на выявление уже сложившихся связей и отношений, а на поиск путей их создания. Поэтому Латур и подчеркивает: «...вообще говоря, нам следовало бы говорить о “сети действий” (worknet) вместо “действующей сети” (network). Это и работа, и движение, и поток, и изменения, – вот что необходимо подчеркнуть» [15. С. 199–200].

Отсюда смысл введения и специфика идеи актора. Как оговаривает Латур, сеть – это не всемирная паутина – интернет, потому что сеть – не просто инструмент передачи, «потому что инструменты никогда не бывают “просто” инструментами, готовыми к применению: они всегда изменяют те цели, которые вы мысленно ставите. Вот что такое “актор”» [15. С. 200]. Актор, который не вносит никакого различия, – вообще не актор. Актор, если слова имеют смысл, это как раз то, что незамещаемо [Там же]. В той степени, в какой некто, на кого направлено действие, производит какие-либо его трансформации (занимается переводом), он получает статус автора. И наоборот, актором может быть любое образование (индивид, группа, институт), ну и, соответственно, нечеловеческие сущности или объекты.

Таким образом, термин «сеть» правомерно употреблять по отношению к характеристике процесса создания какого-либо объекта. Далее. Сеть гетерогенна, поскольку может создаваться из разных компонентов; ситуативна или событийна, поскольку каждый раз может формироваться иначе в зависимости от поставленных задач; динамична, поскольку может трансформироваться в процессе самого создания. По сути, это даже не столько теория с набором некоторых содержательно наполненных устойчивых положений. Это скорее метод анализа (ну и метод создания для деятеля) того, как появляются и существуют те или иные вещи, причем с отсутствием некоторого алгоритма такого анализа, поскольку для каждого объекта могут быть значимы своя совокупность акторов и свои способы действий или завязывания отношений. Если это так, то традиционно используемые метафоры типа дальше / ближе, выше / ниже, внутри / снаружи, микро / макро утрачивают свой смысл [19. С. 175]. Как отмечает по этому поводу Латур, «...каждая сеть по мере своего роста захватывает объяснительные ресурсы вокруг себя, и нет способа отделить их от ее роста. Не нужно выпрыгивать из сети наружу, чтобы создать объяснение (причину, фактор, множество факторов, серии совместных появлений), нужно просто расширить сеть дальше» [Там же. С. 188].

Виктор Вахштайн подчеркивает еще один аспект в определении специфичности акторно-сетевой теории, который также можно использовать для классификации сетевых подходов. Он отмечает, что «пафос акторно- сетевого подхода заключен в переходе от “ло-

гики сети” к “логике потока”, от неизменности к изменчивости. Значение материальных вещей именно в том, что, активно участвуя в человеческом взаимодействии, они способны изменять свои функции, преобразовываться во что-то другое, превращая пространственную мобильность... в поток событий» [20. С. 113]. Различие он проводит путем сопоставления с идеей (или метафорой) сети, которую использовали Мануэль Кастельс и Джон Урри. Разница в актуализации аспекта изменчивости и ситуативности. По словам Вахштайна, «...им (сторонникам акторно-сетевой теории. – Прим. авт.) мало заявить о “сетевой природе” современных коммуникаций (М. Кастельс). Они противопоставляют тотальному и комплексному “социальному” подвижную находящуюся в процессе постоянных изменений и состоящую из дискретных элементов “ассоциацию”» [Там же]. Иначе говоря, одно дело трактовать сеть как совокупность относительно стабильных потоков, перемещающих относительно стабильные объекты, другое – рассматривать сеть как обозначение процесса сборки объекта, каждый раз иного, да еще и меняющегося в процессе самой сборки.

Если встает вопрос о выборе теоретико-методологической позиции, предпочтительной для решения наших задач, то акторно-сетевая теория представляется более перспективной. В качестве обоснования можем опереться на тезис Эмирбаера о преимуществе применения сетевого подхода. По его словам, он является одновременно более общим и более конкретным. Что касается первого аспекта, то общность заключается в возможности безболезненного перевода других подходов на язык акторно-сетевой теории, если, конечно, речь не идет о принципиальной позиции сторонников альтернативных подходов по тому или иному вопросу. Что касается второго аспекта, то, по словам Эмирбаера, он заключается в интерпретации социальных объектов, в частности социальной структуры, не как “черных ящиков”, а как комплекса акторов и их отношений [18. Р. 1418].

Если опрокинуть этот тезис на различные версии самого сетевого подхода, то версия Латура представляется более продуктивной в том, что она позволяет охватить большее количество многообразных аспектов бытия современного социального мира. Здесь стоит сослаться на размышления уже цитируемого выше Эмирбаера, что «реляционная социология испытывает наибольшую трудность при анализе не структурных особенностей статических сетей, будь то сети культурные, социальные структурные или социально-психологические, а скорее динамических процессов, которые преобразуют эти матрицы транзакций некоторым способом» [17. Р. 305]. Как отмечалось выше, подход Латура и был призван преодолеть эти трудности.

Можно подойти к вопросу и с другой стороны, а именно со стороны темы культурной травмы. Из вышесказанного понятно, что ее специфика заключается не просто в одновременном затрагивании большого количества людей, а в воздействии на культурные ценности или символы, их выражающие. По этому поводу можно отметить, что, во-первых, травма все-таки тяготеет к событийности (со всеми оговорками о

процессуальности травмы и постмодернистском тезисе о травме как условии конституирования человеческой экзистенции). Поэтому латурианский подход видится здесь более эвристичным. Во-вторых, если масс-медиа рассматривать как важный компонент формирования и проработки именно культурной травмы, то опять-таки включение в сети не только human, но и nonhuman делает версию Латура более привлекательной. Ну и, наконец, если масс-медиа становятся не просто транслятором, а одним из творцов травмы, то начинают играть роль актора. Эта мысль была отмечена исследователем из Новой Зеландии Алленом Миком в определении статуса СМИ: «В своем стремлении маркировать, определять, интерпретировать для придания смысла и коммемора-

ции медиа отказались от непосредственной травматической встречи с событием. Они замещают ее своими травматическими структурами репрезентации и повторения» [21. P. 188]. Он правомерно замечает, что изображение какого-либо объекта в медиа уже является частью самого (травмирующего) события [Ibid]. Парадокс в том, что даже буквальная (насколько это вообще возможно) его передача (без комментариев) уже становится способом его трансформации, поскольку выполняет функцию символического объекта посредством контекста, наполняемого разными смыслами. Если это так, то продуктивнее обращаться именно к латурианскому подходу, поскольку именно он выполняет методологическую задачу, указывая, как можно интерпретировать роль медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pickering M., Keightley E. Trauma, discourse and communicative limits // *Critical Discourse Studies*. 2009. Vol. 6, № 4. P. 237–249.
2. От редакции. Наука травмы / травма науки // *Логос*. 2017. Т. 27, № 5. С. 19–24.
3. Рождественская Е.Ю. Репрезентация культурной травмы: музефикация холокоста // *Логос*. 2017. Т. 27, № 5. С. 87–114.
4. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // *Социологический журнал*. 2012. № 3. С. 6–40.
5. Eyerman R. *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*. Cambridge University Press, 2001. 299 p.
6. Штомпка П. Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 6–16
7. Summerfield D. Chapter 2. Addressing Human Response to War and Atrocity: Major Challenges in Research and Practices and the Limitations of Western Psychiatric Models // *Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics* / ed. by Rolf J. Kieber. Springer Science+Business Media New York, 1995. P. 17–29.
8. Young A. *The harmony of illusions: inventing post-traumatic stress disorder*. Princeton University Press, 1995. 327 p.
9. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М. : Художественный журнал, 1999. 236 с.
10. Becker D. The Deficiency of the Concept of Posttraumatic Stress Disorder When Dealing with Victims of Human Rights Violations // *Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics* / ed. by Rolf J. Kieber. Springer Science+Business Media New York, 1995. P. 99–110.
11. Bracken P.J. *Trauma Culture, Meaning and Philosophy*. Whurr Publishers Ltd, 2002. 258 p.
12. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
13. Сантнер Э. По ту сторону принципа наслаждения: размышления о репрезентации травмы // *Травма: пункты : сб. ст. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 209–246.*
14. Ушакин С.А. «Нам этой болью дышать». О травме, памяти и сообществах // *Травма: пункты : сб. ст. М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–41.*
15. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
16. Заякина Р.А. Синтетическая топология социальных сетей. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2018. 251 с.
17. Emirbayer M. Manifesto for a Relational Sociology // *American Journal of Sociology*. 1997. Vol. 103, № 2. P. 281–317.
18. Emirbayer M. Network analysis, culture, and the problem of agency // *The American Journal of Sociology*. 1994. Vol. 99, № 6. P. 1414–1454.
19. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими осложнениями // *Логос*. 2017. Vol. 27, № 1. С. 173–201.
20. Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // *Социологическое обозрение*. 2005. Т. 4, № 1. С. 94–115.
21. Meek A. *Trauma and media: theories, histories, and images*. Routledge. 2010. 224 p.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 22 июля 2019 г.

Cultural Trauma and a Network Society: Methodological Considerations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 446, 76–82.

DOI: 10.17223/15617793/446/10

Vasily N. Syrov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat59@gmail.com

Keywords: trauma study; working through; cultural trauma; network society; actor-network theory.

The article aims to discuss the possibility of using the concept of cultural trauma and its connection with the idea of a network society. To achieve this aim, it is necessary to consider critical objections to the use of the idea of cultural trauma. First, there is the question of possible losses in the transition from individual psychology to collective experience. Second, if trauma is the name for events or experiences which are retrospectively uncontrollable, there is a contradiction between the gap in memory resulting from trauma and the globalization and mediatization of objects with a traumatic status. The solution of this list of problems requires analyzing the specific features of cultural trauma. Such features can be summarized as follows: a threat to group, not to individual existence; destruction of cultural values or symbols shared by the group; indirect effects of traumatic objects. It is noted that the statement about the contradiction between the uncontrollability and inexpressibility of traumatic experience and the mediatization of cultural trauma should, first of all, take into account the degree to which cultural trauma is constructed. Creation of trauma always involves selective construction and public representation, which is possible only through the mass media. It is also reasonable to assume that the constructed trauma can act as a substitute for a real trauma. Such an approach allows interpreting all forms of fixation of trauma and its study (including mediatization) as a set of symptoms and thereby reconcile the thesis of inexpressibility with mediatization. Finally, the discursive character of cultural trauma implies its media existence. Moreover, then it can be argued that cultural trauma is only possible through mediatization. It is stated that the media character of cultural trauma allows using the idea of a network to study the sources of trauma, its specificity and ways of working with it. The efficiency of using the actor-network theory for the

study of trauma is substantiated. The advantages of the actor-network theory are associated, firstly, with the possibility of a painless translation of other approaches into the language of the theory. Secondly, this theory allows taking into account the aspects of heterogeneity, eventfulness and dynamism inherent in traumatic objects. Thus, it allows exploring more diverse aspects of the existence of the modern social world than other theories do. Thirdly, this theory allows treating the media as one of the actors, i.e., as one of the participants in the creation of trauma, and not just as a translator of traumatic experience.

REFERENCES

1. Pickering, M. & Keightley, E. (2009) Trauma, Discourse and Communicative Limits. *Critical Discourse Studies*. 4 (6). pp. 237–249.
2. Levina, T. Musvik, V. (2017) Nauka travmy / travma nauki [The Science of Trauma / The Trauma of Science]. *Logos*. 5 (27). pp. 19–24.
3. Rozhdestvenskaya, E. Yu. (2017) Representation of Cultural Trauma: the Museification of the Holocaust. *Logos*. 5 (27). pp. 87–114. (In Russian).
4. Alexander, J. (2012) Cultural Trauma and Collective Identity. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 3. pp. 6–40. (In Russian).
5. Eyerman, R. (2001) *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Shtompka, P. (2001) Sotsial'noe izmenenie kak travma [Social Change as Trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 6–16
7. Summerfield, D. (1995) Addressing Human Response to War and Atrocity: Major Challenges in Research and Practices and the Limitations of Western Psychiatric Models. In: Kleber, R.J. (ed.) *Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics*. New York: Springer Science+Business Media. pp. 17–29.
8. Young, A. (1995) *The Harmony of Illusions: Inventing Post-traumatic Stress Disorder*. Princeton: Princeton University Press.
9. Žižek, S. (1999) *Vozvyshennyi ob'ekt ideologii* [The Sublime Object of Ideology]. Translated from English. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal.
10. Becker, D. (1995) The Deficiency of the Concept of Posttraumatic Stress Disorder When Dealing with Victims of Human Rights Violations. In: Kleber, R.J. (ed.) *Beyond Trauma: Cultural and Societal Dynamics*. New York: Springer Science+Business Media. pp. 99–110.
11. Bracken, P.J. (2002) *Trauma Culture, Meaning and Philosophy*. London: Whurr Publishers Ltd.
12. Assmann, A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New Dissatisfaction with Memorial Culture]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
13. Santner, E. (2009) Istoriya po tu storonu printsipa naslazhdeniya: razmyshleniya o reprezentatsii travmy [History beyond the Pleasure Principle: Thoughts on the Representation of Trauma]. In: Ushakin, S. & Trubina, E. (eds) *Travma: punkty* [Trauma: Points]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 209–246.
14. Ushakin, S.A. (2009) “Nam etoy bol'yu dyshat”. O travme, pamyati i soobshchestvakh [“We Are to Breathe This Pain.” On Trauma, Memory and Communities]. In: Ushakin, S. & Trubina, E. (eds) *Travma: punkty* [Trauma: Points]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 5–41.
15. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: an Introduction to Actor-Network Theory]. Translated from English by I. Polonskaya. Moscow: Higher School of Economics.
16. Zayakina, R.A. (2018) *Sinteticheskaya topologiya sotsial'nykh setey* [The Synthetic Topology of Social Networks]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
17. Emirbayer, M. (1997) Manifesto for a Relational Sociology. *American Journal of Sociology*. 2 (103). pp. 281–317.
18. Emirbayer, M. (1994) Network Analysis, Culture, and the Problem of Agency. *The American Journal of Sociology*. 6 (99). pp. 1414–1454.
19. Latour, B. (2017) On Actor-Network Theory. A Few Clarifications, Plus More than a Few Complications. *Logos*. 1 (27). pp. 173–201. (In Russian). DOI: 10.22394/0869-5377-2017-1-173-197
20. Vakhshtain, V.S. (2005) The Return of Material: “Spaces”, “Networks”, “Flows” in Actor-Network Theory. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 1 (4) pp. 94–115. (In Russian).
21. Meek, A. (2010) *Trauma and Media: Theories, Histories, and Images*. Abingdon: Routledge.

Received: 22 July 2019